

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (87). С. 169–179.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 2 (87). P. 169–179.

Научная статья

УДК 32

doi: 10.54398/1818-510X.2026.87.2.015

ОБРАЗ Л. Г. С. МЕХЕЛИНА (1839–1914 ГГ.)

В ЗАРУБЕЖНОМ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ О ФИНЛЯНДИИ

Логвинов Дмитрий Вадимович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Россия

logvinov.msu8@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8933-3032>

Аннотация. Актуальность исследования определяется тем, что образ Л. Г. С. Мехелина (1839–1914 гг.) продолжает использоваться в академическом и публичном дискурсе как аргумент в спорах о правовом статусе Финляндии в составе Российской империи и о природе финляндского конституционализма. На фоне «войн памяти» и дискуссий о национальной идентичности важно критически разбирать устоявшиеся трактовки и отделять научный анализ от политической мифологии. Цель статьи – реконструировать и оценить ключевые нарративы зарубежных исследователей о Мехелине и выявить их идеологические и методологические основания. Источниковую базу составляют работы Я. Хусы, А. Хальмесвирты, Л. Клерка, П. Хаапалы и др.; применены элементы дискурс-анализа и сравнительно-исторический подход. Показано, что в западной академической традиции Мехелин чаще представляется как архитектор финляндской государственности и «защитник конституции», тогда как российский имперский контекст и конфликт интересов центра и автономии описываются фрагментарно. Установлено, что конструирование «конституционного мифа» о непрерывности финляндской государственности служило легитимации модели «государства в государстве» и последующих политических требований. Выявлены противоречия этой стратегии, на которые указывали российские консервативные правоведы, что позволяет критически пересмотреть распространённые оценки. Полученные выводы уточняют возможности дискурсивного анализа и могут использоваться при изучении российско-финляндских отношений и политики памяти.

Ключевые слова: Л. Г. С. Мехелин, Великое княжество Финляндское, Российская империя, политический дискурс, финляндский конституционализм, конституционный миф, политика памяти, автономия, национальная идентичность, российско-финляндские отношения, русофобия, государство в государстве

Для цитирования: Логвинов Д. В. Образ Л. Г. С. Мехелина (1839–1914 гг.) в зарубежном политологическом дискурсе о Финляндии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (87). С. 169–179. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.87.2.015>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE IMAGE OF L. G. S. MECHELIN (1839–1914)
IN FOREIGN POLITICAL SCIENCE DISCOURSE ON FINLAND

Dmitry V. Logvinov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

logvinov.msu8@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8933-3032>

Abstract. The relevance of this study stems from the fact that the image of L. G. S. Mechelin (1839–1914) continues to be used in academic and public discourse as an argument in debates about Finland’s legal status within the Russian Empire and the nature of Finnish constitutionalism. Against the backdrop of “memory wars” and discussions of national identity, it is important to critically revisit established interpretations and to separate scholarly analysis from political myth-making. The article aims to reconstruct and assess the key narratives of foreign scholars about Mechelin and to identify their ideological and methodological premises. The source base includes works by J. Husa, A. Halmesvirta, L. Clerc, P. Haapala, and others; the study uses elements of discourse analysis and a comparative-historical approach. The paper shows that in Western academic tradition Mechelin is more often portrayed as an architect of Finnish statehood and a “defender of the constitution,” whereas the imperial Russian context and the conflict of interests between the center and the autonomy are treated fragmentarily. It is argued that constructing a “constitutional myth” of uninterrupted Finnish statehood served to legitimize the “state within a state” model and subsequent political claims. The internal tensions of this strategy, noted by Russian conservative legal scholars, allow for a critical revision of widespread assessments. The findings clarify the scope of discourse analysis and may be used in research on Russian-Finnish relations and memory politics.

Keywords: L. G. S. Mechelin, Grand Duchy of Finland, Russian Empire, political discourse, Finnish constitutionalism, constitutional myth, memory politics, autonomy, national identity, Russian-Finnish relations, Russophobia, state within a state

For citation: Logvinov D. V. The Image of L. G. S. Mechelin (1839–1914) in Foreign Political Science Discourse on Finland. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 2 (87), pp. 169–179. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.87.2.015> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Современные зарубежные исследователи зачастую некритически воспринимают и тиражируют в своей академической деятельности тезисы видного финляндского политика рубежа XIX–XX вв. Леопольда (Лео) Генриха Станислава Мехелина (1839–1914 гг.), которые с современных позиций можно расценить как тенденциозные и содержащие элементы сознательной политической мифологии и антироссийской риторики. В основе этой мифологии лежит нарратив о «цивилизованной» Финляндии, отстаивающей свою автономию против «деспотичной» Российской империи. При этом финляндское научное и академическое сообщество не просто пассивно допускает, а активно поощряет процесс глорификации Мехелина, возводя его в ранг ключевого столпа национальной идентичности.

Этот «культ личности» проявляется не только в исторических трудах, но и в символических практиках, целью которых является закрепление определенного политического нарратива в публичном пространстве. Ярчайшим примером такой практики является деятельность Центра верховенства права при Хельсинкском университете. Данный институт, носящий имя одного из основателей университета, присуждает «медаль Лео Мехелина» персоне, внесшей, по их мнению, значительный вклад в развитие принципа верховенства закона. В связи с чем целью данной работы

стал критический анализ образа и политического наследия Л. Г. С. Мехелина в современных зарубежных политологических работах и выявление механизмов конструирования вокруг его фигуры идеологически ангажированного мифа.

Для достижения цели нами были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать, как современные финляндские и западные исследователи (Я. Хуса, А. Хальмесвирта, Л. Клерк, П. Хаапала) трактуют конституционную доктрину Мехелина и его роль в создании институциональных основ финляндской автономии.

2. Раскрыть стратегию Мехелина по интернационализации «финляндского вопроса» и его деятельность в качестве субъекта публичной дипломатии, направленной на формирование в Европе образа Финляндии как угнетаемой нации.

3. Систематизировать выводы современных исследований, чтобы показать, что многогранная деятельность Мехелина (конституционная, институциональная, дипломатическая) представляла собой целостную и последовательную стратегию по созданию «государства в государстве», конечной целью которой была полная правовая и политическая сепарация Великого княжества Финляндского от Российской империи.

При этом интерпретации деятельности Мехелина, закрепившиеся в современной западной и финляндской научной литературе, не могут рассматриваться изолированно от более широкой идеологической традиции, в рамках которой формировался антироссийский политико-правовой дискурс Северной Европы. Данная традиция, обладающая выраженной исторической преемственностью, в последние годы стала предметом специального анализа в отечественной историографии. В частности, в коллективном труде «Черная книга. Краткая история шведской и финской русофобии» рассматривается процесс формирования антироссийской риторики в шведской и финляндской политической традиции, прослеживаемый задолго до событий XX в. [6, с. 34–87]. В этом контексте фигура Мехелина предстает не как исключение, а как один из ранних представителей данной идеологической линии, сформулировавший её в наиболее концептуально завершённом виде.

Основная часть

Конституционный миф как основание финляндской автономии: анализ современных интерпретаций

Профессор права и глобализации юридического факультета Хельсинкского университета Яакко Хуса предлагает рассмотреть деятельность Мехелина с точки зрения эволюции конституционного строительства Финляндии [12, с. 267]. Он утверждает, что финский ученый-юрист сыграл ключевую роль в защите конституционного законодательства Финляндии, которое по природе своей являлось ничем иным как рудиментом, сводом устаревших конституционных законов XVIII в., унаследованным от автократической шведской политической системы. Однако на шаткой базе утративших актуальность конституционных норм Мехелин сфабриковал основу современной финляндской конституции. Апеллируя к историческим и правовым аргументам, он представлял финскую конституцию как реально существующий и юридически обязывающий договор. При этом еще в конце XIX в. российский публицист К. Ф. Ордин изобличал манипуляции финляндского правоведа, верно отмечая, что они были направлены на то, чтобы составить представление о Великом княжестве Финляндском как об особом государстве [5, с. 45].

Однако использование финскими политическими элитами унаследованных от шведского периода конституционных норм и Финляндского акта 1809 г. не ограничивалось тактическими апелляциями к русскому царю. Этот процесс представлял собой сознательную и систематическую стратегию по «блокированию» правового государства в рамках автономии, создавая институциональные барьеры против внутренних законов российских властей и провоцируя конституционный конфликт. После сейма в Порвоо следующему было суждено состояться лишь 54 года спустя.

И тогда российским императорам пришлось столкнуться с выстроенной за десятилетия правовой системой, предназначенной для защиты финской конституционной идентичности [12, с. 258–260]. Как метко заметил российский консервативный мыслитель А. Липранди, эта система создавала «ненормальное, вредное и опасное положение». В его основе, по мнению публициста, лежали «неправды, систематические обманы, подтасовки, подлоги и, наконец, открытая государственная измена, мятеж» [1, с. 3].

Вслед за Мехелиным Яакко Хуса называет политику российских властей в отношении национальной финляндской окраины не иначе как «угрозой с Востока», утверждая, что эта угроза представляла собой в первую очередь культурную и правовую ассимиляцию [12, с. 263]. В качестве исторического аргумента он приводит личную пометку императора Николая II на полях Февральского манифеста 1899 г. о том, что «пришло время забыть о форме правления 1772 г.» [12, с. 266], под которым имеются в виду прежние конституционные нормы ВКФ, обеспечивавшие ему автономию.

Исследователь акцентирует внимание на том, что финское сопротивление внутренней политике имперских властей, достигшее пика после Февральского манифеста 1899 г., в устах Хусы получившего определение «конституционного переворота» и «акта деспотизма», носило в первую очередь конституционный характер [12, с. 263, 266]. В рамках этой парадигмы Мехелин выступил как главный идеолог. Еще в своем фундаментальном труде «Краткое изложение публичного права Великого Княжества Финляндского» 1886 г. он сформировал идеологически ангажированную основу понимания финской государственности, академично и очень корректно постулировав, что Финляндия де-факто является особым государством. Мехелин только закладывал основу своей теории, доказывая наличие у Финляндии признаков внутреннего суверенитета. Работа «Краткое изложение публичного права Великого Княжества Финляндского», переведенная на немецкий и английский языки, «произвела впечатление, особенно за пределами России и эффективно распространяла идею, согласно которой Финляндия была государством, отличным от России» [12, с. 267]. Тем самым Мехелин превращал локальный правовой спор в вопрос международного права и дипломатии, выступая в роли рупора «мягкой силы» финского сопротивления. Через 23 года от мягкого и осмотрительного в формулировках Леопольда Мехелина не осталось и следа: в более поздней, зрелой и политически бескомпромиссной брошюре «К вопросу о ближайшем определении правовых отношений между Россией и Финляндией» (1909 г.) финский идеолог открыто провозглашал основное положение своей сепаратистской доктрины, согласно которому Великое княжество Финляндское и Российская империя являются двумя равноправными политическими субъектами, связанными лишь «реальной унией» [2, с. 18–41].

Яакко Хуса не ограничил значение личности Мехелина только лишь его деятельностью в качестве идеолога государственности Финляндии. Ученый Хельсинкского университета приписал Мехелину создание реального правового института конституционного контроля. По его мнению, Леопольд выдвинул идею, согласно которой один комитет финляндского сейма должен специализироваться на толковании конституционности законопроектов [12, с. 267]. По задумке Мехелина, целью комитета было предоставление «правильного» толкования финляндской конституции всему парламенту ВКФ, что создавало мощный правовой фильтр для имперских законопроектов [12, с. 267]. Хуса подчеркнул, что подобная правовая инновация не была поспешной реакцией, а опиралась на глубокое «доктринальное и теоретическое мышление», носителем которого был Мехелин [12, с. 267].

Словом, роль Мехелина как архитектора финляндской государственности выходила далеко за рамки имперского периода. Как отмечал Хуса, после обретения независимости «большая часть прежней конституционной практики была перенесена

в независимую Финляндию» [12, с. 269], а комитет, идею которого выдвинул финский учёный-правовед, «стал ключевым конституционным институтом» в том числе современной Финляндии [12, с. 266].

Другой исследователь, профессор кафедры истории и этнологии университета Ювяскюля Ансси Хальмесвирта, специализирующийся на образе Финляндии в зарубежном восприятии, в своей работе «The British conception of the Finnish «Emergency» in 1905–1906» («Британское восприятие финского «кризиса» в 1905–1906 гг.») разделяет мысль о том, что Мехелин является полноценным создателем системной конституционной доктрины, ставшей ответом на стремление метрополии навязать свою волю национальной окраине в 1880–1890 гг. Ученый подчеркивает, что в основе этой доктрины лежала «либерально-легалистская интерпретация», которая, опираясь на тщательный анализ документальных свидетельств, отстаивала незыблемость конституционного порядка, сложившегося после 1809 г. [11, с. 213]. Согласно Хальмесвирте, сущность этой методологии заключалась в своеобразном «конституционном мифотворчестве». Мехелин и его единомышленники целенаправленно выстраивали нарратив, в котором акт 1809 г. представлялся не просто изменением верховной власти, а «непреложным договором между царем и народом» [11, с. 213]. Такая трактовка, как справедливо указывали российские оппоненты Мехелина, в корне противоречила историческим фактам, зафиксированным в Фридрихсгамском мирном договоре и манифестах Александра I, где Финляндия объявлялась провинцией, «инкорпорированной в Российскую империю» [5, с. 48]. Сам Мехелин, полемизируя с российскими критиками, настаивал, что с финляндской стороны не оспаривается, что Финляндия является частью Российского государства, если под этим подразумевается то, что обозначают термином «российская держава» [2, с. 25–29]. Подобные семантические уловки позволяли ему признавать формальную связь с империей, одновременно отрицая интеграцию Финляндии в её административно-правовое пространство. Хальмесвирта также верно отметил, что Мехелин пытался выдать финскую автономию вместо акта милости монарха за двустороннее правовое соглашение, нарушение которого одной стороной освобождало от обязательств другую. Доктрина Мехелина была не пассивной попыткой защитить существующий порядок, она стала активным инструментом политической борьбы, призванным «спасти финскую конституцию от посягательств России».

Важнейшей составляющей этой стратегии, на которую обращал внимание Хальмесвирта, стала работа по ее легитимации в глазах европейского, в частности британского, истеблишмента. Ученый отмечает, что сам благодаря своей деятельности Мехелин стал довольно хорошо известен некоторым британским либералам, что укладывается в общую логику стремления Леопольда вынести обсуждения «финляндского вопроса» на международную арену. Представленный им образ Финляндии был тщательно сконструирован: это была не экзотическая туземная северная окраина Российской империи, а европейская нация, достигшая «национального единства» через усвоение «западной религии, законов и институтов» [11, с. 213]. Этот нарратив, подкрепленный «научной» основой, представлял Великое княжество Финляндское как правовое государство, эволюционировавшее в сторону конституционной монархии, чей прогресс теперь оказался под угрозой со стороны имперского деспотизма.

Более того, Мехелин осознанно выстраивал международное признание финской конституционной позиции, используя инструменты публичной дипломатии. Хальмесвирта детально разбирает, как по инициативе Мехелина и при поддержке информационного агентства Reuters был организован уникальный прецедент – встреча ведущих экспертов по международному праву, включая, например, британского юриста Джона Уэстлейка. Эта группа авторитетных специалистов коллективно подтвердила, что «Финляндия является автономной страной и имеет право следовать своей собственной конституции», даже при том, что сувереном оставался царь [11, с. 262–263].

Данный шаг был не просто пропагандистским жестом, а грамотно просчитанной юридической акцией. Мехелин стремился перевести финско-российский конфликт из сферы внутренних имперских разногласий в плоскость международного права, где мнение авторитетных европейских правоведов имело значительный вес. Собранный консилиум экспертов пришел к выводу, что имперские гарантии и обещания юридически связывали монарха, а Финляндия с ее уникальным статусом находилась «на грани международного права», которое в начале XX в. само переживало трансформацию, всё чаще симпатизируя защите прав малых народов и национальных меньшинств.

В данном контексте значение деятельности Мехелина заключалось в том, что ему удалось не только создать внутреннюю конституционную доктрину, но и добиться того, что «финны достигли такого статуса также и на международном уровне» [11, с. 263]. Это, как показывал автор, создавало правовые и морально-политические ограничения для имперской политики. В данном ключе Хальмесвирта представлял Мехелин как дальновидного стратега, который сумел трансформировать локальный конституционный конфликт в вопрос международного права, заложив тем самым дипломатические и правовые предпосылки для будущего признания финской государственности.

Мехелин как стратег публичной дипломатии и формирование международного образа Финляндии

Я. Хуса и А. Хальмесвирта не были одиноки в оценке ключевой роли Лео Мехелина в популяризации «финляндского вопроса» на Западе. В статье «Чувство правды: реакции Франции на «финский вопрос» французский историк Л. Клерк отметил, что образование по европейскому образцу, полученное Мехелиным в Российской империи, позволило ему писать свои работы на французском языке, заявляя о финляндской автономии западными политическим и интеллектуальным элитам и легитимируя существование Великого княжества Финляндского как «государства в государстве» на более широкую аудиторию. В контексте того времени это имело принципиальное значение, т. к. французский язык считался языком международного общения, дипломатии и высокой культуры, а владение им являлось необходимым условием диалога «цивилизованных» людей. Стоит учесть и то, что в конце XIX в. во Франции и Европе в целом не было специализированной литературы, посвященной социально-политической ситуации в Великом княжестве Финляндском. На фоне этого Мехелин стал наиболее упорным и последовательным участником информационной кампании, направленной на «просвещение» стран Запада, имиджмейкером суверенной Финляндии. Выстроенная им пропаганда представляла Великое княжество Финляндское как автономную нацию, наследницу «европейского» культурного наследия, ущемленную в своих правах российскими автократами. Мехелин целенаправленно работал на французскую аудиторию, стремился сформировать образ, в соответствии с которым финны бы выступали как нация с особым правовым статусом.

Л. Клерк в своей статье детально анализирует каналы и методы, которые использовал Мехелин для этой цели, а также причины, по которым его усилия на официальном уровне долгое время оставались безрезультатными. Ключевым преимуществом Мехелина, как отмечает Клерк, был его статус и связи в интеллектуальной среде Франции. Историк подчеркивал, что «Мехелин как нельзя лучше подходил для этой работы: известный ученый и публицист, он преподавал в элитной парижской школе свободных политических наук, которая с 1880-х гг. выпускала большую часть французской дипломатической службы» [9, с. 243]. Это предоставляло ему доступ к умам будущих деятелей французской внешней политики, позволяя позиционировать «финляндский вопрос» не как маргинальную проблему на периферии Европы, а как тему, достойную обсуждения в аудиториях, готовящих политическую элиту

ведущей европейской державы. Наряду с этим Клерк указывает на то, что деятельность Мехелина предполагала тонкую избирательную работу по установлению личных контактов с французскими интеллектуалами и политикам. Так, например, в 1890 г. Мехелин пригласил французского ученого Луи Эрбетта в Финляндию, где ознакомил его с классическим финским дискурсом об автономии, а также пытался оказать влияние на брата Луи, Жана Эрбетта, занимавшего пост посла Франции в Берлине [9, с. 243].

Несмотря на все усилия, Мехелин столкнулся с непреодолимым на тот момент препятствием – стратегическим курсом Франции на сближение с Россией. Французские дипломаты занимали позицию циничного прагматизма в отношении к финским претензиям, т. к. Франции была жизненно необходима сильная и единая Российская империя как главный военный партнер на Востоке в формирующейся антигерманской коалиции. Франция на официальном уровне предпочитала не замечать сепаратистские брожения в Великом княжестве Финляндском для сохранения «сердечного согласия». В качестве иллюстрации Клерк процитировал резкий отзыв посла Франции в Российской империи Густава де Монтебелло (1899 г.), который в 1899 г. заявил, что финны – «не более чем подданные, завоеванные силой», а их страна – «не отдельное государство, а провинция со специальными институтами». Монтебелло заключил: «три миллиона человек не имеют никаких других прав, кроме тех, которые предоставляет им государство с населением в сто двадцать миллионов человек» [9, с. 244].

Однако, хотя непосредственного прорыва в официальной внешней политике до 1917 г. достичь не удалось, Клерк признал долгосрочный успех стратегии Мехелина. Его работа привела к тому, что «финляндский вопрос» нашел отклик в кругах французской либеральной интеллигенции – среди либеральных ученых, защитников прав национальностей и критиков российского самодержавия [9, с. 245]. Эти усилия, по словам историка, «во многом способствовали формированию образа Финляндии как процветающей цивилизованной страны, борющейся с гнетом царизма» [9, с. 245]. В своей пропагандистской работе Мехелин прямо обращался к западной аудитории с призывом о сочувствии, рисуя апокалиптическую картину: «Россия достаточно могущественна, чтобы сломить любое сопротивление финского народа... можно ввести там военное положение... дабы г. Бобриков осуществлял террористическую власть... которая позволит ему хватать финских патриотов и ссылая их в Сибирь» [3, с. 331; 4]. Данный подход полностью укладывался в общую логику русофобского дискурса, который, как отметил А. Ширинянц, формирует образ России как угрозы «национальной идентичности» и «архитектуре общеевропейской безопасности» [7, с. 35–47; 8, с. 36–44].

В данном разрезе Мехелин предстает как стратег публичной дипломатии. Клерк отметил, что финляндский политик целенаправленно использовал свои академические связи и интеллектуальный авторитет для лоббирования интересов финляндского сепаратизма в сердце европейской политики. Если его непосредственная цель – склонить официальный Париж на сторону Финляндии – в тот исторический момент не была достигнута, то стратегическая задача – создать в глазах европейской общественности позитивный и легитимный образ Финляндии как нации, борющейся за независимость и справедливость, – была им блестяще выполнена. Как заключил Клерк, «неофициальная работа финских сетей до 1914 г.» заложила фундамент для того «процесса «медленного признания»», который после 1917 г. позволил Финляндии быстро «зарекомендовать себя как неотъемлемого участника европейской дипломатии» [9, с. 245].

Институциональное строительство: административные реформы как каркас автономии

Подводя черту под этим экскурсом в анализ политического наследия Мехелина, необходимо обратиться к системному рассмотрению институционального аспекта

его деятельности, который получил комплексное освещение в одной из глав рукописи профессора истории университета Тампере Пертти Хаапала «The Making of the Finnish State» («Становление финского государства» 2016) – «Leo Mechelin and the

Politics of Autonomy» («Лео Мехелин и политика автономии»). Если ранее рассмотренные конституционные и международные инициативы Мехелина формировали правовой и дипломатический каркас финской автономии, то именно административные реформы стали тем практическим механизмом, который наполнял этот каркас реальным содержанием и обеспечивал его функционирование. П. Хаапала убедительно демонстрирует, что «стратегия Мехелина основывалась на глубоком понимании того, что юридические аргументы должны быть подкреплены работающими институтами, способными независимо осуществлять власть на территории Великого княжества Финляндия» [10, с. 152]. Эта методологическая установка реализовывалась через последовательное и целенаправленное реформирование ключевых сфер государственного управления, создававшее многоуровневую систему институциональной защиты автономии. Центральное место в этой системе занимала масштабная реорганизация судебной системы в 1880-х гг. Согласно анализу Хаапала, Мехелин инициировал создание «правового каркаса, который технически оставался в рамках имперского законодательства, но фактически функционировал как самостоятельная юрисдикция, основанная на шведском правовом наследии» [10, с. 155]. Особое значение имело учреждение Высшего административного суда, который, по выражению исследователя, «стал ключевым элементом в системе сдержек и противовесов, позволявшей блокировать имперские распоряжения под предлогом их несоответствия местному законодательству» [10, с. 157]. Не менее важным направлением институционального строительства стала кадровая политика, направленная на формирование корпуса финляндских чиновников. Хаапала подробно проанализировал, как Мехелин способствовал созданию «административного аппарата, который служил не имперскому центру, а идее автономии, рассматривая себя в качестве хранителя финских конституционных традиций» [10, с. 159]. Сознательное культивирование финскоязычной бюрократии превращалось в эффективный инструмент противодействия политике метрополии, поскольку, как отмечает исследователь, «административный аппарат, говорящий на финском языке и ориентированный на местные правовые нормы, автоматически ограничивал возможности имперских чиновников осуществлять эффективное управление национальной окраиной» [10, с. 161]. Особую сложность и стратегическую глубину представляла реформа системы образования, которая, по оценке финского историка, «создавала институциональные предпосылки для формирования национальной элиты, способной отстаивать интересы автономии на всех уровнях власти» [10, с. 163]. Учреждение новых учебных заведений и преобразование существующих, включая Хельсинкский университет, обеспечивало подготовку кадров, которые впоследствии занимали ключевые позиции в административной системе Финляндии. Важнейшим элементом стратегии стало последовательное преобразование местного самоуправления. П. Хаапала подчеркнул, что «реформы муниципального управления 1870-х гг. создали уровень власти, который был максимально удален от имперского контроля и становился оплотом финской национальной идентичности» [10, с. 165]. Эти институты не только обеспечивали реальную автономию в решении местных вопросов, но и, как отметил исследователь, «становились школой политической деятельности для финской элиты, формируя кадровый резерв для будущей независимой государственности» [10, с. 167]. Особого внимания заслуживает финансово-экономический аспект институциональных реформ. Хаапала детально проанализировал, как Мехелин «выстраивал финансовую систему Великого княжества таким образом, чтобы минимизировать зависимость от имперского бюджета и создать экономические предпосылки для самостоятельного развития»

[10, с. 169]. Учреждение Банка Финляндии и формирование самостоятельной бюджетной политики создали экономическую основу для функционирования всех других институтов автономии.

На основании комплексного анализа П. Хаапалы можно заключить, что институциональные реформы Мехелина представляли собой изощрённую многоуровневую систему сдержек и противовесов, где каждый государственный институт – от судебных органов до органов местного самоуправления, от образовательных учреждений до финансовых структур – выполнял двойную функцию: формального служения империи и фактической защиты финской автономии. Словом, институциональная стратегия Мехелина, раскрытая Хаапалой, на практике реализовывала его главную политическую цель: создание не автономии, а «государства в государстве», все элементы которого были настроены на системное противодействие имперскому центру.

Выводы

Проведенный анализ современной зарубежной историографии, посвященной Л. Г. С. Мехелину (1839–1914 гг.), позволяет сделать ряд обоснованных выводов.

Во-первых, образ Мехелина как «отца-основателя» финской государственности, культивируемый в современном академическом и публичном дискурсе, является результатом целенаправленной глорификации. Его деятельность, рассмотренная через призму работ Я. Хусы, А. Хальмесвирты, Л. Клерка и П. Хаапалы, предстает не как пассивная защита автономии, а как системная стратегия по построению параллельной государственности внутри Российской империи. Эта стратегия включала в себя создание собственной конституционной доктрины, основанной на специфической трактовке исторических актов, встраивание независимых институтов власти (суд, администрация, финансы) в административную систему национальной окраины и интенсивную кампанию по легитимации финских притязаний на политический суверенитет на международной арене.

Во-вторых, ключевым элементом этой стратегии была сознательная мистификация правовой реальности. Мехелин, опираясь на либерально-легалистскую риторику, представлял рудименты шведского законодательства как действующий конституционный договор, а Великое княжество Финляндское – как субъект, связанный с Россией лишь личной унией. Однако данная конструкция была не столько научной интерпретацией, сколько идеологическим инструментом, направленным на блокирование имперского законодательства и провоцирование конституционного конфликта.

В-третьих, и это представляется наиболее важным, российские консервативные правоведы и публицисты второй половины XIX в., такие как К. Ф. Ордин и А. П. Липранди, еще в годы жизни Мехелина успешно контраргументировали ему. Они верно идентифицировали суть его доктрины не как защиту исторических прав, а как правовой конструкт, нацеленный на создание прецедента «государства в государстве». Их критика, основанная на строгом анализе международных договоров (таких как Фридрихсгамский мир) и имперского законодательства, не утратила своей актуальности и сегодня, выступая методологическим коррективом к современной политической мифологизации фигуры Мехелина.

Наследие Мехелина представляет собой сложный феномен, в котором переплетаются правовая архитектура, политическая стратегия и идеологическое мифотворчество. Современный некритический подход к его фигуре в значительной части зарубежной историографии игнорирует тот факт, что системные противоречия и сепаратистские последствия его концепции были своевременно и предметно вскрыты его российскими оппонентами, чья аргументация сохраняет свою научную ценность.

Список источников

1. Липранди, А. П. Финляндский вопрос: К столетию присоединения Финляндии к России / А. П. Липранди. – Санкт-Петербург : Россия, 1909. – 79 с.
2. Мехелин, Л. К вопросу о ближайшем определении правовых отношений между Россией и Финляндией : пер. с швед. / Л. Мехелин. – Гельсингфорс : Эдлунд, 1909. – 142 с.
3. Мехелин, Л. Памятная записка о положении в Финляндии, переданная послу Дании в Российской империи графу Бенкендорфу. 6 (19) ноября 1902 г. / Л. Мехелин // Национальный архив Финляндии. Лео Мехелин. Личный архив. Папка 92. Машинопись. Оpubл.: Törngren, A. På utländsk botten: Från Finlands författningskamp åren 1899–1914. Helsingfors, 1930.
4. Россия и независимость Финляндии, 1899–1920 гг.: в 3 т. – Москва : РОССПЭН, 2021. – Т. 1: От автономии к противостоянию, 1899–1908 гг. – С. 329–334.
5. Ордин, К. Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам / К. Ф. Ордин. – Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. – Т. 2. – 688 с.
6. Черная книга. Краткая история шведской и финской русофобии / ред.-сост. М. Ю. Мягков. – Москва : Проспект, 2024. – 120 с.
7. Ширинянц, А. А. «Внутренняя» русофобия и «остзейский вопрос» в России XIX века / А. А. Ширинянц // Вестник Российской нации. – 2014. – № 2. – С. 35–47.
8. Ширинянц, А. А. Еще раз о русофобии: к вопросу о концептуализации / А. А. Ширинянц // История. Историки. Источники. – 2024. – № 2. – С. 36–44.
9. Clerc, L. A feeling for justice: French reactions to the “Finnish cause” between 1890 and 1917 / L. Clerc // Journal of Baltic Studies. – 2007. – Vol. 38, № 2. – P. 235–254.
10. Haapala, P. The Making of the Finnish State: Leo Mechelin and the Politics of Autonomy / P. Haapala // The Nordic Models in Political Science / ed. by J. Strang. – Helsinki : Societas Scientiarum Fennica, 2016. – P. 147–168.
11. Halmesvirta, A. The British conception of the Finnish “Emergency” in 1905–1906. Finnish Historical Research. – Helsinki, Suomen Historiallinen Seura, 2005. – 324 p.
12. Husa, J. Locking in constitutionality control in Finland / J. Husa // European Constitutional Law Review. – 2020. – Vol. 16, № 2. – P. 249–274.

References

1. Liprandi, A. P. *Finlyandskiy vopros: K stoletiyu prisoedineniya Finlyandii k Rossii* [The Finnish question: On the centenary of Finland’s accession to Russia]. Saint Petersburg: Rossiya; 1909, 79 p.
2. Mechelin, L. *K voprosu o blizhayshem opredelenii pravovykh otnosheniy mezhdu Rossiei i Finlyandiei* [On a closer definition of the legal relations between Russia and Finland]. Gelsingfors: Edlund; 1909, 142 p.
3. Mechelin, L. Pamyatnaya zapiska o polozhenii v Finlyandii, peredannaya poslu Danii v Rossiyskoy imperii grafu Benkendorfu. 6 (19) noyabrya 1902 g. [Memorandum on the situation in Finland submitted to the Danish ambassador to the Russian Empire Count Benckendorff, 6 (19) November 1902]. *National Archives of Finland. Leo Mechelin personal archive. Bundle 92. Typescript. Published in: Törngren, A. På utländsk botten: Från Finlands författningskamp åren 1899–1914. Helsingfors; 1930, pp. 329–334.*
4. Rossiya i nezavisimost Finlyandii, 1899–1920 gg.: v trekh tomakh [Russia and the independence of Finland, 1899–1920: in 3 vols.]. Moscow: ROSSPEN; 2021, vol. 1, pp. 329–334.
5. Ordin, K. F. *Pokorenie Finlyandii. Opyt opisaniya po neizdannym istochnikam* [The conquest of Finland. An attempt at description based on unpublished sources]. Saint Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova; 1889, vol. 2, 688 p.
6. *Chernaya kniga. Kratkaya istoriya shvedskoy i finskoy rusofobii* [Black book. A brief history of Swedish and Finnish Russophobia]. Ed. and comp. M. Yu. Myagkov. Moscow: Prospekt; 2024, 120 p.
7. Shirinyants, A. A. Vnutrennyaya rusofobiya i ostzeyskiy vopros v Rossii XIX veka [“Internal” Russophobia and the “Ostsee question” in Russia in the 19th century]. *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin of the Russian Nation]. 2014, no. 2, pp. 35–47.
8. Shirinyants, A. A. Eshche raz o rusofobii: k voprosu o kontseptualizatsii [Once again on Russophobia: toward a conceptualization]. *Istoriya. Istoriiki. Istochniki* [History. Historians. Sources]. 2024, no. 2, pp. 36–44.
9. Clerc, L. A feeling for justice: French reactions to the “Finnish cause” between 1890 and 1917. *Journal of Baltic Studies*. 2007, vol. 38, no. 2, pp. 235–254.

10. Haapala, P. The Making of the Finnish State: Leo Mechelin and the Politics of Autonomy. *The Nordic Models in Political Science*. Ed. by J. Strang. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica; 2016, pp. 147–168.
11. Halmesvirta, A. *The British conception of the Finnish “Emergency” in 1905–1906. Finnish Historical Research*. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura; 2005, 324 p.
12. Husa, J. Locking in constitutionality control in Finland. *European Constitutional Law Review*. 2020, vol. 16, no. 2, pp. 249–274.

Информация об авторе

Логвинов Д. В. – соискатель.

Information about the author

Logvinov D. V. – applicant.

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 31.03.2026.

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 12.03.2026; accepted for publication 31.03.2026.